

Антон Павлович Чехов

Открытие

Чехов Антон Павлович

Открытие

А. П. ЧЕХОВ

ОТКРЫТИЕ

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно...

Крылов

Инженер статский советник Бахромкин сидел у себя за письменным столом и от нечего делать настраивал себя на грустный лад. Не далее как сегодня вечером, на бале у знакомых, он нечаянно встретился с барыней, в которую лет двадцать - двадцать пять тому назад был влюблен. В свое время это была замечательная красавица, в которую так же легко было влюбиться, как наступить соседу на мозоль. Особенно памятны Бахромкину ее большие глубокие глаза, дно которых, казалось, было выстлано нежным голубым бархатом, и длинные, золотисто-каштановые волосы, похожие на поле поспевшей ржи, когда оно волнуется в бурю перед грозой... Красавица была непреступна, глядела сурово, редко улыбалась, но зато, раз улыбнувшись "пламя гаснущих свечей она улыбкой оживляла..." Теперь же это была худосочная, болтливая старушенция с кислыми глазами и желтыми

зубами... Фи!

"Возмутительно! - думал Бахромкин, водя машинально карандашом по бумаге. - Никакая злая воля не в состоянии так напакостить человеку, как природа. Знай тогда красавица, что со временем она превратится в такую чепуху, она умерла бы от ужаса..."

Долго размышлял таким образом Бахромкин и вдруг вскочил, как ужаленный...

- Господи Иисусе! - ужаснулся он. - Это что за новости? Я рисовать умею?

На листе бумаги, по которому машинально водил карандаш, из-за аляповатых штрихов и каракуль выглядывала прелестная женская головка, та самая, в которую он был когда-то влюблен. В общем рисунок хромал, но томный суровый взгляд, мягкость очертаний и беспорядочная волна густых волос были переданы в совершенстве...

- Что за оказия? - продолжал изумляться Бахромкин. - Я рисовать умею! Пятьдесят два года жил на свете, не подозревал в себе никаких талантов, и вдруг на старости лет - благодарю, не ожидал, талант явился! Не может быть!

Не веря себе, Бахромкин схватил карандаш и около красивой головки нарисовал голову старухи... Эта удалась ему так же хорошо, как и молодая...

- Удивительно! - пожал он плечами. - И как недурно, черт возьми! Каков? Стало быть, я художник! Значит, во мне призвание есть! Как же я этого раньше не знал? Вот диковина!

Найди Бахромкин у себя в старом жилете деньги, получи известие, что его произвели в действительные статские, он не был бы так приятно изумлен, как теперь, открыв в себе способность творить. Целый час провозился он у стола, рисуя головы, деревья, пожар, лошадей...

- Превосходно! Bravo! - восхищался он. - Почуться бы только технике, совсем бы отлично было.

Рисовать дольше и восхищаться помешал ему лакей, внесший в кабинет столик с ужином. Съевши рябчика и выпив два стакана бургонского, Бахромкин раскис и задумался... Вспомнил он, что за все пятьдесят два года он ни разу и не помыслил даже о существовании в себе какого-либо таланта. Правда, тяготение

к изящному чувствовалось всю жизнь. В молодости он подвизался на любительской сцене, играл, пел, малевал декорации... Потом, до самой старости, он не перестал читать, любить театр, записывать на память хорошие стихи... Острил он удачно, говорил хорошо, критиковал метко... Огонек, очевидно, был, но всячески заглушался суетою...

"Чем черт не шутит, - подумал Бахромкин, - может быть, я еще умею стихи и романы писать? В самом деле, если бы я открыл в себе талант в молодости, когда еще не поздно было, и стал бы художником, или поэтом? А?"

И перед его воображением открылась жизнь, не похожая на миллионы других жизней. Сравнить ее с жизнями обыкновенных смертных совсем невозможно.

"Правы люди, что не дают им чинов и орденов... - подумал он. - Они стоят вне всяких рангов и капитулов... Да и судить-то об их деятельности могут только избранные..."

Тут же кстати Бахромкин вспомнил случай из своего далекого прошлого... Его мать, нервная, эксцентричная женщина, идя однажды с ним, встретила на лестнице какого-то

пьяного безобразного человека и поцеловала ему руку. "Мама, зачем ты это делаешь?" - удивился он. "Это поэт!" ответила она. И она, по его мнению, права... Поцелуй она руку генералу или сенатору, то это было бы лакейством, самоуничижением, хуже которого для развитой женщины и придумать нельзя, поцеловать же руку поэту, художнику или композитору - это естественно...

"Вольная жизнь, не будничная... - думал Бахромкин, идя к постели. - А слава, известность? Как я широко ни шагай по службе, на какие ступени ни взбирайся, а имя мое не пойдет дальше муравейника... У них же совсем другое... Поэт или художник спит или пьянствует себе безмятежно, а в это время незаметно для него в городках и весях зубрят его стихи или рассматривают картинки... Не знать их имен считается невоспитанностью, невежеством.... моветонством..."

Окончательно раскисший Бахромкин опустился на кровать и кивнул лакею... Лакей подошел к нему и принялся осторожно снимать с него одежду за одеждой.

"Мда... необыкновенная жизнь... про же-

лезные дороги когда-нибудь забудут, а Фидия и Гомера всегда будут помнить... На что плох Тредьяковский, и того помнят... Бррр... Холодно!.. А что, если бы я сейчас был художником? Как бы я себя чувствовал?"

Пока лакей снимал с него дневную сорочку и надевал ночную, он нарисовал себе картину... Вот он, художник или поэт, темною ночью плетется к себе домой... Лошадей у талантов не бывает; хочешь не хочешь, иди пешком... Идет он жалкенький, в порыжелом пальто, быть может, даже без калош... У входа в меблированные комнаты дремлет швейцар; эта грубая скотина отворяет дверь и не глядит... Там, где-то в толпе, имя поэта или художника пользуется почетом, но от этого почета ему не тепло ни холодно: швейцар не вежливее, прислуга не ласковее, домочадцы не снисходительнее... Имя в почете, но личность в забросе... Вот он, утомленный и голодный, входит наконец к себе в темный и душный номер... Ему хочется есть и пить, но рябчиков и бургонского - увы! - нет... Спать хочется ужасно, до того, что слипаются глаза и падает на грудь голова, а постель жесткая, хо-

лодная, отдающая гостиницей... Воду наливай себе сам, раздевайся сам... ходи босиком по холодному полу... В конце концов он, дрожа, засыпает, зная, что у него нет сигар, лошадей... что в среднем ящике стола у него нет Анны и Станислава, а в нижнем - чековой книжки...

Бахромкин покрутил головой, повалился в пружинный матрац и поскорее укрылся пуховым одеялом.

"Ну его к черту! - подумал он, нежась и сладко засыпая. - Ну его... к... черту... Хорошо, что я... в молодости не тово... не открыл..."

Лакей потушил лампу и на цыпочках вышел.